

Наталья Волохина

**Жизнь после смерти.
Возвращенцы**

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 141.339
ББК 88
В68

Волохина Н. Г.

Жизнь после смерти. Возвращенцы / Н. Г. Волохина —
Москва: ЛитРес: Самиздат, 2019. — 57 с.

ISBN 978-5-5321-0370-2

О людях, перенесших клиническую смерть. Захватывающие рассказы из практики опытного психолога. Как изменяется человек, его взгляды, психика после путешествия «на тот свет»? Кому и зачем дается шанс новой жизни? Кто становится «невозвращенцем» или «пограничником»? Почему человек испытывает удовольствие от страха? В художественных очерках душевед с тридцатилетним стажем ненавязчиво доносит мысль: все зависит от выбора, желания жить, любить, быть любимым. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-5321-0370-2

© Волохина Н. Г., текст, 2019
© Omiko Trading LTD., оформление, 2019

Содержание

Душеведение	5
От автора	5
Уходящие	6
Возвращенцы	8
Атаман	8
Книгоноша	11
Елена Прекрасная	14
Атеист	17
Килька	19
Гусыня	21
Пофигистка	25
Рыжий	27
Художник	30
Неутилизируемый мусор	33
Свинка	35
Маленький	37
Отец	40
Стряпуха	41
Мама	43
Виртуозка	44
Не любовник	46
Сирота	48
Из жизни гиен и жертв	50
Шёпот	53
Жених	55

Я знаю – ты все умеешь,
Я верую в мудрость твою,
Как верит солдат убитый,
Что он проживает в раю.
Как верит каждое ухо
Тихим речам твоим,
Как веруем и мы сами,
Не ведая, что творим.
(Булат Окуджава)

Душеведение

От автора

Официальная моя профессия «психолог – психотерапевт», но я предпочитаю называть себя душеведом, что не расходится с первым вариантом. В переводе: Психо (др. гре. Psyche) – душа и Лóгос (от др. греч. Λόγος) – слово, мысль, смысл, понятие.

Внимательно наблюдая за людьми, ведая их душевными тайнами, с одной единственной целью – помочь, главное – не стать заложником этой цели. То, что клиент пришел ко мне и поделился душевными проблемами, вовсе не означает, что он готов их решать. Тяжело человеку, облегчения ищет. А делать, решать, менять выбор и действия – редко, даже, осознавая смертельную опасность. Читая эти строки коллеги, понимающе кивают головами, остальные читатели, в основном, возмущены: раз пришли, значит хотят что-то менять. Ну, допустите на минутку, что вы меньше, чем профессионалы, разбираетесь в поведенческих причинно-следственных связях. Принудить человека реально сделать лучший для него выбор – невозможно. Можно создать условия, мотивирующие его сделать.

За многолетнюю практику у меня скопились сотни примеров, способных показать разные стороны и мотивы человеческого поведения. Но у Душеведа иная цель: дать читателю возможность сделать выбор, хотя бы задуматься о его возможности, – не прятаться, не уходить от проблем, не приближаться к опасной черте, из-за которой не все возвращаются.

Уходящие

Уход:

1. действие по значению гл. уходить;

чьё-либо отбытие откуда-либо,

покидание какого-либо места;

2. уход из жизни; смерть;

синонимы: отбытие – смерть;

антонимы: приход – воскрешение.

(Толковый словарь Ожегова С. И.)

Относительно проблем почти все мы сначала используем уход, как способ защиты, и только потом некоторые возвращаются, становятся с ними лицом к лицу и действуют, исходя из обстоятельств и личных качеств. Но смелости не всегда и не всем хватает, потому доходим до точки принудительного ухода, ждём, когда выдворят навсегда или на время.

Чтобы полюбить жизнь, начать ценить её во всех проявлениях, радоваться телесно и душевно, надо тяжело заболеть, лучше раком, чтоб скорее дошло.

Искать реальный выход из сложных ситуаций желательно после длительного запоя, кончившегося инфарктом, инсультом, чтоб перекосило.

Оценить прелесть серых будней своей никчемной жизни удобнее всего в тяжелой наркотической ломке.

Глаза голодного ребенка, последние «хлебные» деньги которого игроман снес в «заведение», впечатляют недостаточно, тут больше подойдет хорошая пытка от опытных кредиторов.

Когда ни то, ни другое, ни третье неэффективно, можно совсем уйти, что не так просто, как кажется. А хорошо бы уйти и вернуться, когда, наконец, доперло до мозгов, печенок и доньшка души. Но покинуть жизнь, да еще и воскреснуть, это вам не из кабака вышвырнули протрезвиться.

Сколько, игравших в прятки с жизнью, я перевидала. Многие из них ушли навсегда. Но некоторым, перспективным, не безнадежным в глазах Господа, был дан шанс возвращения. Почти все им воспользовались. Почти. Все они, без исключения, дошли в прятках до точки безнадежности, в которой никто, в том числе они сами, не мог их найти. Кричи, плач, вой, зови – бесполезно. Тут он и нет его. И вот ушел – умер.

Возвращенцы

Атаман

Эти возвращенцы обычно знали, зачем вернулись.

Атамана привезли ко мне, как испорченный овощ на свалку. Сгрузили и умыли руки. Громадный мужик после двух инсультов, с ограниченной подвижностью, частично восстановленной речью, списанный докторами с диагнозом «постинсультная деменция» (приобретенное слабоумие, маразм).

Когда начал внятно говорить и самостоятельно двигаться, мы с ним запели. Как стал материться на тренажерах и в репертуар вошли удалые казацкие песни, реабилитация двинулась полным ходом. Тогда и рассказал.

– Я ж помер, та ожил.

– Клиническая смерть была?

– Ото ж. Эх, мама, ты знаешь, я никого не праздную, тебе одной скажу. Что я там пережил, за всю жизнь такого страху не було.

Сразу тёмно стало, должно, insult самый, сознание потерял, а после летел на свет, как через трубу какую. А куда прилетел, там серое все, мабуть сумерки, та противные такие, шо на душе кошки скребуть. А кругом, сколь видать – ничего, только небо низко-низко и серый тот свет, противный. Ну, что ж, я пошел. Куда идтить не знаю, чую только, шо надоть. А под ногами земля мягкая, як замазка, и тож серая, ноги проваливаются. Присмотрелся, мама, ото ж мясо, плоть человечья. И ни бочком, никуда ни стать. Везде она самая. Пошел, куда деваться. А на душе такая боль и тяжесть, хуже того свинцового неба. И тут я понял, что буду так идтить вечно, не то шо долго, всегда. И эта невыносимая тоска, ну, просто нечеловечья, она всегда со мной будет, вечно. Понимаешь ты, всегда и без конца! Ну, вот всегда и усё. Я уж думал, что мне хуже и быть не может, но, как такое понял, совсем невольно стало, такая тоска взяла, хоть снова помирай, а чую, больше разу помереть не получится. Хотел кричать,

выть – голосу нема, плакать, та и слез немае. И как скрутило меня у жгут, та и снова через трубу полетел.

Очнулся в палате, дочка коло меня сидить. Увидала, шо я глаза открыл, заплакала. И я ж заплакал, должно, первый раз после полвеку. Силюсь ей сказать: «Доча», – а не могу, язык не слушается. Я ж её дочей с пеленок не называл, усё Ирка, да Ирка. А сынок помер, тож слова ласкового от меня не слыхал. Как же, усе думал, дурак, детей в строгости держать надо. Жинка от одного взгляда моего тряслась, усохла уся со страху, усе болеет. А какая красуля была молодкой, ой, мама! То ж усё я их застрашал, замучил. Все гаркал, та и поколачивал, учил время от время, сатана. Баба, она свое место должна знать. От же дурень! А теперь шо? Сколько времени щё господь отпустил? Кто знает? Я, как на том свете тоску смертную почуял, понял усё.

– Что понял?

– Усё! Как жить надо було и что жизнь про...л к такой матери.

– А ты зачем вернулся?

– Ты ж знаешь, умна девка. Ясно зачем – любить.

Он уехал и через десять дней вернулся на повторный курс, уже сам за рулем машины.

Похохатывал басом, зыркал на бабенок черным игривым глазом, рассказывал, как соседи и родня ходят на него смотреть, как на воскресшего Лазаря.

– Ото ж и есть – воскрес. Думали, куттю есть, а я им вина домашнего налил. Чего, толкую, на наследство рты раззявили, та и не обломилось. Мама, ты бы на их морды подивилась, точно ожившего покойника увидали.

Потом один на один рассказывал:

– Я усе жене та и дочке отписал, внучек домой привез. А то ж дом большой, та и пустой. Веришь, мама, первый раз в жизни девчушек по голове погладил – слеза пошла. А хорошо на душе стало, тёпло.

И уже громко, уверенно, командным голосом продолжил:

– Я тут под домом магазин затеял. Та-а-ак. Ещё повоюю. Я ж атаман походный.

– Ты же инвалид, маразматик, – пошутила я.

– Кто инвалид, я инвалид?! Не дождётесь. Я еще, може, сына рожу! – загремел он.

И тихонько добавил:

– Щё ручки – ножки ему нацелую, за всю нецеловальную жизнь свою, нацелую. Ото ж.